

БОЛЬШОЙ БАЛЕТ

Будалов
НУРЕЕВ

АВТОБИОГРАФИЯ

Балан
ПЕТИ
ВМЕСТЕ С НУРЕЕВЫМ

ОГИЗ

Издательство АСТ
Москва 2020

УДК 792.82:929 Нуреев Р.
ББК 85.335.42-8 Нуреев Р
Н90

Исключительные права на публикацию книги на русском языке
принадлежат ООО «Издательство АСТ».
Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Фотоматериалы предоставлены фотобанком «Восток-Фото»
Фотография на обложке
Keystone Press / Alamy Stock Photo / Vostock Photo

Roland PETIT
TEMPS LIES AVEC NOUREEV

Печатается с разрешения издательства Editions Grasset & Fasquelle, 1998
при содействии Lester Literary Agency

Перевод с английского *Владимира Нестьева*
Перевод с французского *Ирины Волевич*

Нуреев, Рудольф.
Н90 Автобиография / Р. Нуреев; пер. с англ. В. Нестьева /
Вместе с Нуреевым / Р. Пети; пер. с фр. И. Волевич — Мо-
сква: Издательство АСТ, 2020. — 304 + [16 вкл.] с.: ил. —
(*Большой балет*).

ISBN 978-5-17-106347-4

Рудольф Нуреев... Его магическое имя вот уже более полувека будоражит
воображение всех, кто хоть что-то о нем слышал. Слухов об этой уникальной
личности было гораздо больше, чем подлинного знания. Каким же он был на
самом деле?

Выдающийся танцовщик, который еще при жизни стал человеком-леген-
дой. Пожалуй никто из русско-советских артистов балета, (даже те, кто потом как
и он эмигрировали на Запад) не имели той славы, какая выпала на долю Нуреева.

Мальчик из бедной многодетной семьи стал настоящим гением танца. Все
в его творческой биографии складывалось не благодаря, а вопреки. Вопреки всему
было его поступление в Ленинградское балетное училище, обретение статуса ве-
дущего солиста легендарного Кировского театра оперы и балета, его знаменитый
«прыжок к свободе» и, как итог — фантастический успех на Западе.

В книге представлены воспоминания французского балетмейстера Ролана
Пети и сокращенная версия «Автобиографии» Рудольфа Нуреева.

УДК 792.82:929 Нуреев Р.
ББК 85.335.42-8 Нуреев Р

© Editions Grasset & Fasquelle, 1998.

© Ю. Бекичева, составление, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-106347-4

Будалов
НУРЕЕВ
АВТОБИОГРАФИЯ

Предисловие*

Один из репортеров ежедневной американской газеты «Нью-Йорк таймс» Ричард Кэнинг однажды остроумно заметил: «Описание балета всегда неизбежно сводится к рассказу о том, как люди поднимают руки и куда забрасывают ноги. Писать об этом так же бессмысленно, как бессмысленно писать о футболе и обо всем, на что нужно смотреть собственными глазами».

Тем не менее не стоит забывать о том, что балет — это обычные люди, которые любят, завидуют, предаются, совершают неожиданные поступки. И в этом контексте писать о балете так же увлекательно, как и читать о нем.

Юлия Бекичева

* «Автобиография» Р. Нуреева публикуется в сокращенной версии.

Глава первая

ОСТАТЬСЯ В ВАШЕЙ СТРАНЕ

17 июня 1961 года, аэропорт Париж-Ле-Бурже. Невольно вовлеченный в ситуацию, которая впоследствии станет частью мировой истории и будет описана не в одном десятке книг, французский полицейский обращается к бледному, испуганному, вжавшемуся в колонну молодому человеку:

— Шесть шагов. Только шесть. Подойдите ко мне. Не волнуйтесь. Если вы считаете, что так будет лучше, просто скажите: «Я хочу остаться в вашей стране». После этого мы поднимемся наверх, вы подпишете кое-какие бумаги, и дело будет сделано.

— Я... хочу остаться в вашей стране.

Эти шесть шагов, эта фраза станут точкой невозврата, причиной грандиозного скандала и сенсацией, пропуском в новую жизнь для советского, а позже — британского и французского артиста балета и балетмейстера Рудольфа Нуреева. Категорично настроенные советские газеты представят произошедшее как запланированное бегство, западные журналисты преподнесут поступок русского танцовщика как «прыжок к свободе» (впоследствии Рудольф Нуреев так же назовет одну из глав своей «Автобиографии»). Именно

как прыжок из рук насильно удерживающих артиста сотрудников КГБ в объятия французских полицейских опишет случившееся популярная газета *Le Figaro*¹.

Спустя десятилетия организатор гастролей Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова в Париже в 1961 году Жанин Ренге, находившаяся в Ле-Бурже рядом с Нуреевым, опровергнет написанное: «Не было никакого прыжка. Все происходило, если не буднично, то около того. Рудольф был в отчаянии. Его труппа уже улетела на гастроли в Лондон, ему же было сказано возвращаться в Москву. Нуреев понимал: если вернется, ему как артисту — конец. Мы заказали чай, кофе. Тут же сидел сотрудник КГБ, он пил спиртное — рюмку за рюмкой. К тому времени как подошли полицейские, кагэбист был изрядно пьян и мало чему мог помешать».

Уже заработав славу мировой знаменитости, Рудольф Нуреев неоднократно вспоминал тот день в многочисленных интервью, снова и снова мысленно преодолевал он расстояние в шесть шагов, на 26 лет перекрывшее ему все пути к отчому дому, родному училищу, театру, на сцене которого продолжали танцевать его коллеги. И все-таки, несмотря на цену, которую Нуреев заплатил за свою свободу, за возможность познавать жизнь во всей ее многогранности, познавать себя в этой жизни, оказался Рудик снова перед выбором, ответил бы, как когда-то: «Я хочу остаться в вашей стране».

¹ Популярная французская ежедневная газета новостей в области внутренней и внешней политики, экономики, культурной и общественной жизни во Франции и за рубежом. Газета основана в 1826 году.

Глава вторая

МРАЧНЫЙ ПЕРИОД РАННЕГО ДЕТСТВА

Свободолюбивая, бунтарская натура Рудольфа Нуреева дала знать о себе уже в процессе появления мальчика на свет.

«Я родился в поезде — 17 марта 1938 года, — вспоминал артист в “Автобиографии”. — И хотя первые годы жизни не оставили в памяти особого следа, мне нравится размышлять о моем рождении. Как лирическому, романтическому танцовщику, мне приятно думать, что мое появление на самой первой сцене было столь романтичным. В тот момент, когда я родился, поезд мчался вдоль берегов озера Байкал, неподалеку от Иркутска. Мать ехала к отцу, служившему во Владивостоке. Отец, которого я почти не знал до окончания войны, был в те дни политруком. В поезде вместе с матерью ехали три мои сестры: Роза, Розида и Лида. Я так люблю вспоминать обстоятельства своего рождения потому, что в них во многом отразилась вся моя жизнь. Разве не символично, что я родился в пути, между двумя станциями? Видимо, мне суждено было стать космополитом. С самого начала я был лишен чувства “принадлежности”. Какую страну или

дом я мог назвать своими? Мое существование протекало вне обычных, нормальных рамок, способствующих ощущению постоянства, и оттого мне всегда представлялось, что я родился гражданином мира».

В военное и послевоенное время, в голоде и неустроенности приходилось жить и поднимать детей Хамиту и Фариде Нуреевым. В возрасте двадцати двух лет отец Рудольфа был призван в Красную Армию. Службу он проходил в Казани. В первый же месяц Великой Отечественной войны он был определен в артиллерийскую часть, с 1941 по 1943 год воевал на Западном фронте, прошел всю войну, участвовал в обороне Москвы, дошел до Берлина, а в 1945 году вместе с другими форсировал реку Одер.

«Когда отец уехал, мать осталась одна с четырьмя детьми и, хотя мы были отчаянно бедны, она не имела возможности пойти на работу. К тому же она родилась в крестьянской семье и у нее не было никакой специальности.

До женитьбы отец и мать работали в поле. С начала двадцатых годов они были членами коммунистической партии. Революция казалась родителям чудом, ведь до нее они постоянно существовали на грани голодной смерти. А тут появилась возможность отправить детей в школу, даже в университет, о чем крестьяне до революции и мечтать не могли. Родители стали коммунистами без малейших колебаний».

Война не выбирала, кого щадить, кого предавать огню. Упавшая на крышу их московского дома бомба оставила Нуреевых без крова. Покинув наси-

женное гнездо, Фарида вместе с детьми отправилась в Башкирию — на родину своих предков. Глухая, утопающая в высоких, труднопроходимых грязных сугробах башкирская деревенька, тесная изба, вместившая три семьи, непрекращающееся чувство голода — такой запомнилась жизнь в эвакуации маленькому Рудуку.

«...Весь этот мрачный период раннего детства прошел под знаком картошки. Картошка была единственным продуктом, который мы могли достать. Когда мне минуло пять лет, у нас появилась возможность переехать в Уфу, которую моя мама всегда считала родным городом. Мы стали жить у брата отца. Именно здесь началась моя сознательная жизнь. Наша семья делила девятиметровую комнату не только с дядей, но и еще с одной семьей. Три семьи в девятиметровой комнате. Тем не менее не помню, чтобы у нас происходили какие-нибудь дикие сцены. Каким-то чудом нам удавалось вести это кошмарное существование, не доходя до ненависти, до той черты, когда люди просто не выносят вида друг друга.

Не покидало чувство голода, постоянно грызущее голода. Помню эти бесконечные, шестимесячные зимы в Уфе без света и почти без еды. Еще помню мать, с трудом тащившуюся по снегу, чтобы принести в дом несколько фунтов картошки, которые нам предстояло растянуть на неделю. Думаю, матери в то время было около сорока. Маленькая, худенькая, хрупкая на вид. Люди говорили, что она очень красивая, но я помню ее неизменно грустной. Не припомню ни

одного случая, когда бы она громко рассмеялась. До 1946 года жизнь мамы представляла собой бесконечную борьбу. Каждый месяц она получала немного денег от отца и, благодаря этому, почти всегда знала, где он. Тем не менее без мужа, почти без денег, с четырьмя детьми на руках ей было невероятно сложно. И все же мама никогда не жаловалась. Вспоминаю, как предпринимала она утомительные походы в поисках какой-нибудь еды. Мы уже продали все, что у нас было, и все, что возможно, обменяли на продукты: гражданскую одежду отца, его ремни, подтяжки, ботинки. За какую-то из вещей мы выручили немного отвратительной черной муки, из которой неделями пекли блины. Даже сейчас при одной мысли об этой муке мне становится тошно, но тогда она казалась даром богов».

Об одном таком походе за едой, едва не стоившей его матери жизни, Рудольф Нуреев не только поведал в книге воспоминаний, но и не без гордости рассказывал журналистам во время интервью. В разгар зимы, по лютому холоду шла Фарида до ближайшей деревни, находившейся в тридцати километрах от дома, в котором остались ее дети. К ночи добралась она до леса, за которым расположились приземистые домишки, и вдруг в темноте заметила маленькие, окружившие ее со всех сторон желтые огни. Волчьи глаза следили за ней. Обезумевшие от голода волки теперь нередко навевались в деревни в поисках какой-нибудь еды. Но вот добыча сама шла в их пасти. Еще немного — и они растерзали бы ее.

«Мама сняла с себя одеяло, в которое завернулась, спасаясь от жестокого мороза, и подожгла его. Пламя испугало хищников. Волки обратились в бегство. Отчаянная, смелая женщина моя мама!» — вспоминал Рудольф.

На протяжении всей его жизни журналисты берегли старые раны, просили в тысячный раз рассказать, ощущал ли он себя вторым сортом, воспитываясь в столь бедной семье. «Нет! — улыбаясь, неизменно отвечал Нуреев. — Тогда я об этом не задумывался. Мои мысли были заняты играми».

Он не любил жаловаться. Не позволяло обостренное чувство собственного достоинства. Останавливал голос крови: «Наша татарская кровь бежит быстро и всегда готова закипеть. В нас есть горячность наших предков, этих прекрасных, немногословных всадников. Мы представляем любопытную смесь нежности и жестокости — сочетание, редко встречающееся у русских. Татары быстро загораются, всегда готовы вступить в бой. Они непритязательны и пылки, а порой хитры, как лисы. Таков и я».

В той среде, где формировалась личность маленького Рудика, чувство собственного достоинства то и дело обострялось и росло, точно на дрожжах. Дрожжами этими являлись обиды, несправедливость, насмешки, рукоприкладство — всего этого в детстве и юности мальчика было предостаточно. Только став зрелым человеком, Нуреев откровенно написал, как в действительности воспринимал он происходящее, — например, тот факт, что в первый класс сред-

ней школы мама отнесла его на... спине. В доме не нашлось ботинок.

«Остро, болезненно ощущал я дикость этой ситуации. Столь унижительная бедность причиняла мне подлинные душевные муки. В тот первый школьный день мать надела на меня пальто сестры Лиды, а ничто не способно заставить шестилетнего мальчика так страдать, как одежда его сестры. В девчачьем пальто я чувствовал себя, как клоун. Мое появление в группе было отнюдь не триумфальным. Как только дети увидели меня, хором запели по-татарски: “У нас в классе побирушка! У нас в классе побирушка!” В то время я плохо понимал по-татарски. Дома я спросил мать, что означали слова детей. Она покраснела и сказала, чтобы я не обращал внимания. Но, в конце концов, объяснила, что “побирушка” означает “нищий”».

Каждый раз, сталкиваясь с чем-то подобным, Рудик защищал себя как умел: если требовалось — в рукопашном бою, чаще — отгородившись от внешнего мира. Больно, обидно было видеть сверстников, которые, в отличие от него, приходили в школу сытыми и хорошо одетыми.

«Я всегда был одиночкой. Всегда играл один на единственной деревенской улочке и никогда ни с кем не дружил. Не помню, чтобы у меня была какая-то компания, не помню совместных игр или общих игрушек. Музыка! Уже в возрасте двух лет я горячо реагировал на нее, слушая песни или просто мелодичные звуки. Единственным источником музыки для нас было радио. Сначала в Москве, потом мы взяли его с со-